
Ю. И. СЕМЕНОВ

**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ:
ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

В советское время во всех книгах, посвященных изложению как истории философии, так и самой философии, всегда подчеркивалось, что возникновение диалектического материализма было революционным переворотом в развитии философской мысли. И вслед за этим обычно следовала попытка раскрыть коренное, качественное отличие марксистской философии от всех предшествующих философских систем. На мой взгляд, все эти попытки были не самыми удачными. Более или менее ясным было отличие диалектического материализма от идеалистических систем. Но оно во многом совпадало с отличием от идеализма любой философской материалистической системы. Все материалисты давали в главном и основном одно и то же решение основного вопроса философии, а именно принимали мир, природу за первичное, а сознание, дух – за вторичное, производное.

Когда же пытались рассказать об отличии диалектического материализма от других материалистических учений, то обычно говорили, что диалектический материализм, во-первых, в отличие от старого материализма не ограничивался материалистическим пониманием одной лишь природы, а распространил такого рода взгляд и на общество, а тем самым и на его историю, во-вторых, что в нем материализм был органически соединен с диалектикой. Все это можно было прочесть на первых страницах любого курса марксистской философии.

А далее курс подразделялся на две в значительной степени обособленные части, которые выступали либо как два раздела одного учебного пособия, либо как два разных учебных пособия. Первая часть носила название диалектического материализма, вторая – исторического материализма. В свою очередь первая часть чаще всего делилась на два раздела, в одном из которых излагался материализм, а во втором – диалектика. И если взять первый раздел первой части курса марксистской философии, то в нем обычно излагались положения, которые мало чем отличались от тех, что можно было найти в работах немарксистских философов-материалистов. Пожалуй, единственное отличие можно было найти в том параграфе главы об истине, в котором шла речь об абсолютной и относительной истине. В результате все утверждения о коренном качественном отличии диалектического материализма от немарксистского материализма повисали в воздухе. Оставалось во многом неясным, что же именно нового внес диалектический материализм в решение основного вопроса философии, если не считать распространение материалистического его решения и на общество.

Все это не случайно. К. Маркс и Ф. Энгельс, создав в общем и целом принципиально новую философскую систему, сколько-нибудь детально её не разработали и нигде систематически её не изложили. У К. Маркса вообще нет ни одной специально философской работы, если не считать докторской диссертации и «Тезисов о Фейербахе», найденных и опубликованных Ф. Энгельсом уже после смерти великого мыслителя. У Ф. Энгельса были работы либо полностью философские («Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»), либо содержащие специальные философские разделы («Анти-Дюринг»). Но ни одна из них не содержала систематического изложения марксистской философии. К. Маркс сознавал наличие такого изъяна и мечтал о создании подобного рода работы. «Если бы снова нашлось время для таких работ, – писал К. Маркс Ф. Энгельсу в 1858 г., – я с большим удоволь-

ствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время мистифицировал»¹. Спустя десять лет в письме к И. Дицгену К. Маркс снова возвращается к этому замыслу: «Когда я сброшу с себя экономическое бремя, напишу «Диалектику». Истинные законы диалектики имеются уже у Гегеля – правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы...»². Но времени у него на это так и не хватило. В отличие от И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля основоположники марксизма не были профессорами философии и не были обязаны читать систематические философские курсы.

Из последователей К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин был почти что единственным человеком, который по-настоящему понимал их философию. Но его замечательная книга «Материализм и эмпириокритицизм» тоже не содержит систематического изложения диалектического материализма. И главное, в этой работе основное внимание он обращал не столько на отличие диалектического материализма от других материалистических учений, сколько на то, что роднит все формы материализма. «Философские тетради» В. И. Ленина свидетельствуют о том, что и у него было намерение написать работу, в которой в более или менее систематическом виде излагался бы именно *диалектический* материализм³. Но и у него не хватило на это времени.

А когда, наконец-то, появились профессора марксистской философии, обязанные читать курсы лекций, в которых эта философия была бы систематически изложена, то они оказались неспособными глубоко понять ее суть. Одна из причин – недостаточное знание философии Г. Гегеля,

¹ Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 14 января 1858 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 29. С. 212.

² Маркс К. Письмо И. Дицгену, 9 мая 1868 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 456.

³ См.: Предисловие от Института марксизма-ленинизма к «Философским тетрадям» В. И. Ленина // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 8.

точнее, непонимание сущности тех великих открытий, которые были сделаны этим выдающимся мыслителем, а тем самым и диалектики. Оно было присуще многим крупнейшим марксистам, включая даже такого крупного авторитета, каким был Г. В. Плеханов. «Плеханов, – указывал В. И. Ленин, – написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантианцев + основные вопросы etc etc). Из них о большой логике, *по поводу неё, её мысли* (т. е. *собственно* диалектика как философская наука) *nill*»⁴. В конспекте гегелевской «Науки логики» В. И. Ленин заметил: «Нельзя понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя !!»⁵

Но если без понимания философии Гегеля нельзя понять экономический труд К. Маркса, то тем более без этого нельзя проникнуть в сущность философского учения последнего, которое в отличие от марксовской экономической теории никогда не было систематически изложено. В результате большинство марксистов, включая Г. В. Плеханова, стояло на позициях не столько диалектического материализма, сколько старого, прежнего материализма. «1. Плеханов, – подчеркивал В. И. Ленин, – критикует кантианство (и агностицизм вообще) больше с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения... 2. Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски»⁶.

Именно поэтому В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» в качестве важнейшей задачи философов-марксистов поставил изучение и материалистическое истолкование гегелевской диалектики, что для него

⁴ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 248.

⁵ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.

⁶ Там же. С. 161.

было равнозначно всесторонней разработке материалистической диалектики⁷.

Такая работа была начата советскими философами в 20-е годы. Были достигнуты определенные результаты, но затем марксистская философия в СССР была подвергнута жесточайшему разгрому⁸. Такая участь постигла и марксизм в целом. Он, начиная с конца 20-х годов, был постепенно заменен псевдомарксизмом⁹. В результате марксистская философия, вернее то, что выдавалось за марксистскую философию, в 30–50-е годы представляла собой закостенелую сумму положений, которые нужно было заучить, в которые надо было верить и которые надлежало бездумно повторять.

Какие-то подвижки начались после смерти И. В. Сталина и особенно после XX съезда КПСС, но они касались не столько сущности марксистской философии, сколько различного рода деталей. Определенная часть советских философов, принимая набор фраз, в которые выродился диалектический материализм, за подлинный диалектический материализм, прониклась презрением и даже ненавистью к нему и обратилась к различного рода немарксистским философским построениям¹⁰. Ну а в годы перестройки началась целенаправленная кампания по развенчанию марксизма вообще, диалектического материализма прежде всего.

Характерной в этом отношении является статья о диалектическом материализме, помещенная в книге «Русская философия. Малый энциклопедический словарь» (М., 1995). Не буду разбирать всех содержащихся в ней глупостей, свидетельствующих о поразительном невежестве автора. Отмечу лишь, что статья завершается катего-

⁷ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 30–31.

⁸ См.: Яхот И. Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 7, 8, 9.

⁹ См. об этом: Семенов Ю. И. Россия: Что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993.

¹⁰ См.: Семенов Ю. И. Разработка проблем истории первобытного общества в «эпоху» Бромлея // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 12–14.

рическим утверждением, что «его (т. е. диалектического материализма) кончина была бесславной и незаметной: от него отвернулись с пренебрежением, без особых споров и упреков, и это «передовое учение» рассыпалось, как изветшавший и безжизненный дом»¹¹. Если речь идет о псевдо-марксистском пустословии, которое преподносилось в СССР под видом диалектического материализма, то автор в определенной степени прав. Но если он имеет в виду подлинный марксистский материализм, то остается только перефразировать известное высказывание Марка Твена. Когда журналисты обратились к нему с просьбой прокомментировать сообщение о его смерти, он ответил, что слухи о ней несколько преувеличены. Марксистскую философию хоронили уже не раз, и, судя по всему, заниматься этим будут еще долго.

Но во всяком случае для того, чтобы понять сущность диалектического материализма, сейчас во многом приходится начинать с самого начала.

Начну я с выяснения того, что представлял собой до-марксистский материализм. При этом нет необходимости уходить в глубь веков.

Достаточно рассмотреть материализм таким, каким он был на рубеже XVIII–XIX вв.

После блестящих успехов, достигнутых в XVI–XVIII вв., материализм оказался в состоянии затяжного кризиса, что, в частности, выразилось в том, что он запутался в неразрешимых противоречиях. Главный недостаток заключался в его непоследовательности. Он был материализмом, не достроенным до конца: материализм во взглядах на природу противоречиво сочетался в этом учении с идеализмом в понимании общества, а тем самым и истории. Провозглашая, что общественное мнение, приводящее людей в движение, определяется общественной средой, материалисты одновременно рассматривали общественную среду как порождение общественного мнения. Объективного источника

¹¹ Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 165.

общественных идей, т. е. такого, который, определяя общественные взгляды, в то же время сам бы от них не зависел, материалисты открыть не смогли. В результате, пытаясь разорвать описанный выше порочный круг, они с неизбежностью приходили к волюнтаристическому пониманию истории¹².

С огромными трудностями сталкивались материалисты и тогда, когда обращались к проблемам теории познания. С их точки зрения, единственным источником знания был чувственный опыт. На вопрос о том, верно ли положение: «нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах», – они давали утвердительный и только утвердительный ответ. В этом смысле они были не просто последовательными, но абсолютными сенсуалистами.

«Физическая чувствительность, – писал К. А. Гельвеций, – это сам человек и источник всего того, чем он является. Поэтому знания человека никогда не достигают большего, чем дают его чувства. Все, что недоступно чувствам, не достижимо и для ума»¹³. Отстаивая абсолютный сенсуализм, он доходил до крайности – сводил мышление к чувственному познанию. «...Всякое суждение, – читаем мы у него, – *есть лишь рассказ о двух ощущениях, либо испытываемых в данный момент, либо сохранившихся в моей памяти... Выносить суждения – значит ощущать*. Признав это, можно сказать, что все умственные операции сводятся к чистым ощущениям. Зачем же признавать в нас какую-то способность суждения, отличную от способности ощущения?!»¹⁴ Другие французские материалисты, также будучи сенсуалистами, были в этом отношении с ним не согласны. Д. Дидро, например, достаточно четко отличал ум от ощущений. Для него пять чувств – пять свидетелей.

¹² Подробно об этом см.: Семенов Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 158–162.

¹³ Гельвеций К. А. О человеке // Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 555.

¹⁴ Там же. С. 78–79.

Ум же есть судья, который заслушивает свидетельства чувств и делает на их основе выводы¹⁵.

Но ощущения и восприятия отражают лишь отдельное, лишь явления, они не дают общего, сущности. В результате всякий абсолютный сенсуалист, если, конечно, он последователен, должен признать невозможность познания в сущности. Вот, например, что говорил об ощущениях Э. Б. де Кондильяк: «Но, очевидно, идеи эти не дают нам познания того, что суть вещи сами по себе; они только описывают их при помощи их отношений к нам, и одно это доказывает, насколько тщетны старания философов, воображающих, будто они способны проникнуть в природу вещей»¹⁶.

Французские материалисты XVIII в. в этом вопросе не были последовательными. На многих страницах своих работ они говорили о безграничной возможности познания мира. Это был лейтмотив всех их работ. Но одновременно они писали о невозможности познания сущности вещей.

«Сущность души человека и животных, — писал Ж. О. де Ламетри, — есть и остается всегда столь же неизвестной, как и сущность материи и тел»¹⁷. «Человеку, — вторил ему П. А. Гольбах, — не дано всё; ему не дано познать своё происхождение, проникнуть в сущность вещей и добраться до первоначальных причин»¹⁸. «Мы охотно, — продолжал он, — согласимся, что даже величайшие гении не знают сущности камней, растений, животных и тайных сил, составляющих, заставляющих их покоиться или действовать... Если мы не знаем сущности или внутреннего состава материальных существ, то мы можем все же с помощью опыта открыть некоторые из их взаимоотношений с нами; мы знаем их поверхность, протяжение, форму, цвет, мяг-

¹⁵ Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 379.

¹⁶ де Кондильяк Э. Б. Трактат об ощущениях. М., 1935. С. 62–63.

¹⁷ Ламетри. Трактат о душе // Избр. соч. М.; Л., 1925. С. 45.

¹⁸ Гольбах П. А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного // Избр. произв. Т. 1. М., 1963. С. 129.

кость и твердость благодаря впечатлениям, которые они на нас производят; мы способны сравнивать их, отличать друг от друга, судить о них, стремиться к ним или избегать их в зависимости от того, как они воздействуют на нас...»¹⁹

На основании подобного рода высказываний некоторые историки философии с оговорками или даже без них сближали взгляды французских материалистов, в частности К. А. Гельвеция и П. А. Гольбаха, на познание и мир с кантовскими²⁰. Они не правы. Но нельзя также согласиться и с утверждениями других историков философии о том, что здесь мы имеем дело всего лишь с неадекватным выражением мысли об отсутствии абсолютного предела в познании мира человеком²¹. Дело не просто в неточных формулировках. Абсолютный сенсуализм, сторонниками которого были французские материалисты, с неизбежностью порождает тенденцию к сползанию на позиции феноменализма и агностицизма. В этом смысле позитивизм является логическим завершением этого процесса.

Но самым трудным для материалистов был вопрос о природе мышления. В отличие от ощущений и восприятий понятия не возникают как результаты воздействия предметов внешнего мира на органы чувств человека, т. е. они не имеют своим непосредственным источником просто внешний мир. Понятия творятся людьми. И содержанием этих, созданных человеком духовных явлений являются общее в мире, сущность вещей. Естественно, возникал вопрос: если общее, сущность реально существуют в объективном мире, то каким же образом знание о них проникает в мышление, которое прямого выхода к миру не имеет, которое связано с миром только посредством чувственного познания? Последнее, связывая мышление с объективным миром, одно-

¹⁹ Гольбах П. А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного // Избр. произв. Т. 1. М., 1963. С. 454. См. также с. 439.

²⁰ См., например: Данелиа С. Опыт исследования теории нравственности Гельвеция. Ч. 1. Тбилиси, 1922; Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. М., 1922. С. 218–219.

²¹ См., например: История философии. Т. 2. М., 1941. С. 382–383; Момджян Х. Н. Клод Адриан Гельвеций // К. А. Гельвеций. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 27–28.

временно отделяет его от этого мира. Идеалистам можно было все это объяснить путем введения понятий врожденных идей, предустановленной гармонии, априорных форм мышления. Для материалистов все это было совершенно неприемлемо.

Трудность состояла не просто в невозможности объяснить, каким образом общее, сущность проникают в мышление. Создание понятий – проявление активности мышления, причем не единственное. Кроме познавательной активности мышления, существует целеполагающая и планирующая его активность. Человек создает в уме образ нужного ему, но еще не существующего предмета, затем, исходя из этого, производит в уме же операции по такой обработке одного из существующих в мире предметов, в результате которой последний трансформируется в первый. Далее, мышление, воздействуя на мозг человека, управляет движением органов человеческого тела и тем обеспечивает реализацию намеченных целей. Здесь перед нами уже не познание, не собственно мышление, а воление, а тем самым и воля. Воля есть сознание, но взятое в его обратном воздействии на отражаемый им объективный мир, что необходимо предполагает и обратное его воздействие на мозг и тело человека. С введением понятия воли необходимо встает вопрос о свободе воли, который неизбежно перерастает в проблему свободы и необходимости.

Уже мышление в отличие от чувственного познания нельзя рассматривать как простую, непосредственную функцию человеческого организма. Тем более не поддается такой трактовке воля. Воление есть проявление власти чего-то, отличного от мозга и тела человека, над мозгом и телом человека. Именно это, отличное от тела и господствующее над телом нечто, двумя неразрывно связанными функциями которого выступают мышление и воление, принято называть иногда просто сознанием, а чаще духом или душой.

Проблема человеческого духа оказалась таким орехом, который не могли разгрызть материалисты. Они пытались

истолковать мышление по аналогии с чувственным познанием просто как функцию организма. Но тогда фактически исчезал дух, исчезали воля и свобода воли²². Такое понимание духа было неразрывно связано с определенным решением проблемы предопределенности.

Домарксистские материалисты были сторонниками абсолютного детерминизма. При этом они исходили из двух посылок: первая – все явления имеют причину, вторая – связь причины и следствия есть связь необходимая. Отсюда неизбежно следовал вывод, что все в мире абсолютно необходимо, абсолютно предопределено. В мире безраздельно царит необходимость. Объективной случайности не существует. Случайность всегда субъективна, она – следствие нашего незнания причин явлений. Следовательно, нет и не может быть никакой свободы воли и вообще никакой свободы.

Абсолютный детерминизм имеет длительную историю. Начало ему было положено Демокритом. Эпикур пытался преодолеть этот взгляд, но путем допущения беспричинности, что, конечно, не могло быть принято другими материалистами. В материалистической философии XVII–XVIII вв. абсолютный детерминизм господствовал безраздельно. «Необходимым, – писал Т. Гоббс, – мы называем такое действие, наступлению которого нельзя помешать. Поэтому всякое событие, которое вообще наступает, наступает в силу необходимости. Ибо всякое возможное событие, как только что было доказано, должно когда-нибудь наступить. Положение «будущее в будущем наступит» также необходимо, как утверждение «человек есть человек». Но тут перед нами встает вопрос: можно ли считать необходимым также и то будущее, которое обыкновенно называют случайным. Я отвечаю: все, что происходит, не исключая и случайного, происходит по необходимым причинам, как это доказано в предыдущей главе. Случайным что-либо называется только в отношении событий, от которых оно

²² Подробнее см.: Семенов Ю. И. Личность, общество, культура // Философия и общество. 2001. № 3.

не зависит. Дождь, который завтра пойдет, необходим, т. е. обусловлен необходимыми причинами. Мы его рассматриваем как нечто случайное и называем его так, ибо не знаем его причин, которые теперь уже существуют. Случайным, или возможным, называется вообще то, необходимую причину чего нельзя разглядеть»²³.

Столь же недвусмысленны высказывания по этому вопросу П. А. Гольбаха. «Природа, – писал он, – слово, которым мы пользуемся для обозначения бесчисленного количества существ и тел, бесконечных соединений и комбинаций, разнообразнейших движений, происходящих на наших глазах. Все тела – одушевленные и неодушевленные – представляют собой неизбежные следствия известных причин, со всей необходимостью производящие видимые нами явления. Ничто в природе не может быть случайным; все в ней следует точным законам, и эти законы представляют неизбежную связь известных следствий с их причинами. Какой-нибудь атом материи не может произвольно или *случайно* встретиться с другим атомом; эта встреча обусловлена постоянными законами, которые необходимо определяют поведение каждого существа, не могущего вести себя иначе в данных условиях. Говорить о *произвольном движении атомов* или приписывать какие-либо следствия *случайности*, значит не сказать ничего или же признаться в полном неведении тех законов, в согласии с которыми действуют, сталкиваются и соединяются тела в природе. Все происходит случайно только для людей, не знакомых с природой, со свойствами вещей и теми следствиями, которые необходимо должны произойти в результате действия определенных причин»²⁴. Поэтому не существует никакой свободы человека.

«С дня рождения и до самой смерти, – продолжает П. Гольбах, – человек ни одного мгновения не бывает сво-

²³ Гоббс Т. Основы философии // Избр. соч. М.; Л., 1926. С. 91.

²⁴ Гольбах П. Здравый смысл, или Естественные идеи, противопоставленные идеям сверхъестественным // П. Гольбах. Письма к Евгению. Здравый смысл. М., 1956. С. 272–273.

боден... «Но я все же чувствую себя свободным», – скажете вы. Это иллюзия – такая же, как и уверенность той мухи из басни, которая, сидя на дышле, возомнила, что управляет повозкой. Итак, человек, считающий себя свободным, не что иное, как муха, вообразившая себя управителем вселенной, тогда как она на самом деле сама, неведомо для себя, целиком подчиняется ее законам»²⁵.

Детальную разработку абсолютный детерминизм получил в труде французского ученого П. Лапласа «Опыт философии теории вероятностей» (1814). В таком виде он был безоговорочно воспринят большинством, если не всеми естествоиспытателями и получил наименование лапласовского.

Домарксистские материалисты не были способны открыть материальный источник познавательной, целевой и волевой активности человека. Его не было ни в природе, самой по себе взятой, ни в человеческом организме. Поэтому они с неизбежностью встали на путь полного отрицания активности сознания, отрицания свободы человека. И это не просто и не только ослабляло их позиции. Оно обрекало их на блуждание в мире вопиющих противоречий.

Бытие и активности сознания, и свободы было столь несомненным фактом, что они не могли с ним не считаться. В результате, вступая в полное противоречие со своими же собственными взглядами, старые материалисты, когда обращались к обществу, переходили на позиции волонтаризма, т. е. признавали даже не просто свободу человека в сфере истории, но практически полную его свободу.

Отстаивая идею абсолютной необходимости всех событий, французские материалисты одновременно рисовали картину человеческой истории как цепь случайностей. Как писал П. Гольбах: «Излишек едкости в желчи фанатика, разгоряченность крови в сердце завоевателя, дурное пищеварение какого-нибудь монарха, прихоть какой-нибудь

²⁵ Гольбах П. Здравый смысл, или Естественные идеи, противопоставленные идеям сверхъестественным // П. Гольбах. Письма к Евгению. Здравый смысл. М., 1956. С. 13.

женщины являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, посылать миллионы людей на бойню, разрушать крепости, превращать в прах города, погружать народы в нищету и траур, вызывать голод, различные болезни и распространять отчаяние и бедствия в течение целого ряда веков»²⁶.

И такое противоречие не было случайным. Когда абсолютные детерминисты поднимали случайные связи до уровня необходимых, они тем самым фактически низводили необходимые связи до уровня случайных. Крайности сходятся. Взгляд, согласно которому в мире все абсолютно необходимо, по существу, равнозначен воззрению, согласно которому в мире все случайно. Но если история не является закономерным процессом, то, по существу, в ней может быть все.

Это позволяет не только П. Гольбаху, но и другим французским материалистам надеяться на счастливый случай, который может выпасть на долю страны, прежде всего появление властителя, который произведет все те преобразования, которых страстно желали все просветители, и, прежде всего, разоблачит религию и уничтожит деспотизм. «По воле судеб, – писал П. Гольбах, – на троне могут оказаться просвещенные, справедливые, мужественные, добродетельные монархи, которые, познав истинную причину человеческих бедствий, попытаются устранить их, пользуясь указаниями мудрости».²⁷ Буквально почти то же самое писали К. Гельвеций и Д. Дидро. «Он явится, – читаем мы в работе последнего, – настанет день, и он явится – тот справедливый, просвещенный и могущественный человек, которого вы ждете; ибо такой человек возможен, а неумолимое течение времени приносит с собой все, что только возможно»²⁸.

Но идея о великих людях, которые могут делать все, что им заблагорассудится, воля которых предопределяет

²⁶ Гольбах П. Система природы // Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. М., 1963. С. 260.

²⁷ Гольбах П. Указ. раб. С. 663–664.

²⁸ Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 498.

весь дальнейший ход событий, мирно соседствовала у них с другой – с идеей всемогущества человеческого разума вообще, развитие которого закономерно ведет человечество по пути прогресса. Так что, сводя в сфере гносеологии значение мышления до роли судьи, делающего выводы на основе показаний органов чувств, старые материалисты одновременно в области общественной жизни приписывали разуму роль решающей силы, определяющей социальные порядки и ход истории.

Нетрудно поэтому понять, почему с конца XVIII в. материалисты, несмотря на огромные достижения естествознания, которые доказывали правильность материалистического подхода к природе, стали уступать позиции идеалистам. Встав на путь категорического отрицания в основной части своих работ активности сознания и свободы человека, старые материалисты тем самым отдали теоретическую разработку этих проблем всецело в руки идеалистов. Как говорил К. Маркс: «...*деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»²⁹. Но даже в таком виде эти разработки представляли огромную ценность.

Особенно великий вклад был сделан Г. В. Ф. Гегелем, совершившим целый ряд крупнейших открытий в области философии. Он впервые показал, что мышление есть не только субъективная человеческая деятельность, как полагали до него, но одновременно и объективный процесс, протекающий по объективным законам. В работах Г. Гегеля дана картина развертывания этого процесса. Он представляет собой движение предельно общих понятий мира – категорий диалектики – по законам, действующим во всех без исключения реальных процессах, – законам диалектики. Этот процесс предстал у Г. Гегеля как саморазвивающийся.

²⁹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е. Т. 3. С. 1.

Когда Г. Гегель понял, что мышление и мир развиваются в одних и тех же общих формах и по одним и тем же общим законам, то перед ним встал вопрос, что первично и что вторично: диалектика мышления или диалектика мира; мышление развивается по законам мира или мир по законам мышления. Ответ, который был им дан: развитие мышления лежит в основе развития мира и определяет его. Вполне понятно, что это саморазвивающееся мышление, лежащее в основе всего мира, было освобождено Г. Гегелем от субъективной формы. Оно выступило у него как мышление не человеческое, а ничейное, абсолютное. Если обратиться к собственно гносеологии, то Г. Гегель, помимо всего прочего, впервые раскрыл диалектику абсолютной и относительной истины.

Попытка Л. Фейербаха преодолеть философию Г. Гегеля не привела к успеху, ибо им были проигнорированы открытия последнего. В результате его учению были присущи все основные недостатки, характерные для его предшественников. Задача коренного преобразования материализма, создания нового материализма была решена К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Прежде всего они нашли объективный источник общественных идей. Выяснилось, что тот конгломерат явлений, которые старые материалисты называли общественной средой, состоит из двух качественно отличных компонентов. Первый – социально-экономические, или производственные, отношения, которые, не завися от общественного сознания («общественного мнения» – по терминологии старых материалистов), определяют его. Система этих материальных отношений и образует ту социальную материю, которую искали и не могли найти старые материалисты. Второй компонент – все прочие социальные отношения. Они определяются общественным сознанием и представляют собой отношения волевые.

Открытие социальной материи дало ключ к решению всех тех проблемы, с которыми не могли сладить старые материалисты. Система определенных социально-

экономических отношений представляет собой общественную форму, в которой идет процесс производства. Производство есть отличительный признак человека. Животные лишь приспособляются к среде, они используют предметы, которые дает природа. Человек же создает вещи, которых нет в природе. Он преобразует, переделывает природу. Производство есть основа человеческой жизни. Стоит прекратиться процессу производства – и человечество погибнет.

И раньше философы замечали не только идеальную активность человека, но и его практическую, материальную активность. Но при этом все они, не только идеалисты, но и материалисты, принимали духовную активность за первичную, а материальную – за вторичную, производную. Основание для такого вывода: человек вначале ставит цель, планирует свои действия и лишь потом действует. Поэтому даже такой убежденный материалист, как Н. Г. Чернышевский, считал самой собой разумеющимся, что предки человека вначале поумнели, а уже затем начали пользоваться и изготовлять орудия³⁰.

Только очень немногие мыслители приходили к мысли, что в отношении мысли и действия первичным было последнее. Такую догадку И. В. Гете вложил в уста Фауста, размышляющего над переводом первой строки Евангелия от Иоанна:

Написано «Вначале было Слово»,
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало,
Я напишу, что Мысль всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалека!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли начало всех начал?
Пишу и вновь я колебаться стал,

³⁰ Чернышевский Н. Г. Очерк научных понятий по некоторым проблемам всеобщей истории // Избр. филос. соч. Т. 3. М., 1951. С. 617–643.

И вновь сомнение душу мне тревожит.
Но свет блеснул, – и выход вижу я:
В Деянии начало бытия!³¹

Перевод не вполне точен. Последняя строка немецкого оригинала – «Im Anfang war die Tat», т. е. буквально: «В начале было Дело».

Но если И. Гете лишь догадывался о первичности дела и вторичности мысли, то К. Маркс и Ф. Энгельс, выявив роль производства как основы существования общества, это положение обосновали. Они поняли, что если в каждом конкретном производственном (и не только производственном) акте человека идеальное творчество предшествует материальному, то в общеисторическом масштабе все обстоит наоборот: материальное творчество, возникнув до и без идеального творчества, с неизбежностью вызвало к жизни духовное творчество. Чтобы производственная деятельность могла успешно развиваться, необходимостью было появление принципиально новой формы отражения мира. Необходимостью стало создание образов еще не существующих вещей. А это было невозможным без отражения общего, сущности вещей.

Именно, исходя из положения о том, что производство лежит в основе общества, Ф. Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» выдвинул тезис, что труд создал человека. Написанная в 1876 г. и опубликованная впервые в 1896 г. статья практически была мало известна палеоантропологам и археологам, исключая советских. Тем более важно подчеркнуть, что к настоящему времени высказанная в ней идея стала общепризнанной в научном мире. И самое главное, сейчас совершенно твердо установлено, что между появлением первых искусственных орудий и началом формирования мышления и языка прошло около 1 млн лет. Орудия начали изготавливать хабилисы, появившиеся около 2,5 млн лет назад, а зачатки мышления и языка обнаруживаются лишь у архантропов (питекантро-

³¹ Гете (в переводе Н. А. Холодковского). Фауст. М., 1936. С. 81–82.

пов, синантропов, атлантропов и т. п.), которые пришли на смену хабилисам около 1,6 млн лет назад³².

Говоря о чувственном опыте, старые материалисты имели в виду исключительно лишь воздействие предметов внешнего мира на органы чувств человека и возникновение в его результате ощущений и восприятий. «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский, – писал К. Маркс, – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»³³. Но наряду с таким чувственным опытом у человека возник и иной, о котором и пишет К. Маркс.

Стремясь охарактеризовать этот новый чувственный опыт, иногда говорят, что человек не пассивно воспринимает воздействие внешнего мира, а взаимодействует с ним. Такой характеристики явно недостаточно. И животное постоянно взаимодействует со средой. Но это взаимодействие представляет собой простое приспособление к среде, рефлекторную, у большинства животных условно-рефлекторную деятельность, и поэтому для его обеспечения вполне достаточно отражения отдельного, явлений.

Человек же преобразует внешний мир, стремится изменить его в нужную для него сторону. А для этого необходимо познание общего, проникновение в сущность вещей. Практическая деятельность человека представляет собой чувственное явление, причем не только и не просто в том смысле, что отражается в форме ощущений и восприятий. Эта деятельность может завершиться успехом, а может кончиться неудачей. Успех же и неуспех сами по себе суть весьма чувственные явления. Удача обеспечивает существование человека, неудача ставит его жизнь под угрозу. Человек их чувствует и переживает, причем эти переживания могут быть крайне глубокими.

³² Подробнее см.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966; Он же. На заре человеческой истории. М., 1989.

³³ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е. Т. 3. С. 1.

Неуспех действий убедительно свидетельствует о том, что при постановке цели и разработке плана действий не все было принято во внимание, что нечто, существующее в мире и при этом крайне важное, не было отображено в мозгу. Но отдельное, явления были отражены, значит, не было отражено что-то иное, недоступное органам чувств. И этим жизненно важным, но прямо недоступным органам чувств были общее, сущность. Неудачи человеческой практической деятельности раз за разом вбивали в голову человека, что в мире, кроме отдельного, явлений, реально существует еще и общее, сущность, и что без отображения этой сущности успех невозможен.

Таким образом человек узнавал, что в мире есть общее, сущность, и начинал создавать их образы, которые могли быть только понятийными. Создавались эти образы при помощи фантазии, и они могли как иметь объективное содержание, т. е. находиться в соответствии с действительностью, так и не иметь его, т. е. быть ложными. Проверка истинности этих образов происходила в процессе практической деятельности. Если человек, создавший на основе этих понятийных конструкций образы еще не существующих, но необходимых ему вещей и план действий, добивался успеха, то это свидетельствовало о соответствии этих конструкций объективному миру. Превратиться в реальное, начать существовать не только в сознании, но и в объективном мире могло только такое идеальное, которое имело содержание, заимствованное из материального мира. Неудача практической деятельности доказывала ложность ранее созданных понятийных конструкций и толкало к созданию и проверке новых.

Таким образом, на вопрос, верен ли постулат сенсуализма «нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах», нельзя дать однозначного ответа. Ошибочен отрицательный ответ, но неверен и безоговорочно утвердительный. Единственно правильным является ответ: и да, и нет. Да – ибо нет никаких других каналов, которые бы связывали внешний мир с мышлением, кроме органов чувств. Нет –

ибо содержанием мышления являются общее, сущность, которых непосредственно нет в чувственном познании. Новый материализм включает в себя сенсуализм, но отличный от старого сенсуализма: он является не абсолютным, а относительным, диалектическим. Выявив роль практики, прежде всего производства, новый материализм раскрыл механизм проникновения общего, сущности из внешнего мира через чувственное познание в мышление.

Вполне понятно, что обратное воздействие сознания через практику на объективный мир не могло быть условно-рефлекторным. Оно могло быть только волевым. Возникновение понятий, целей, планов было одновременно и появлением воли.

Несколько отклоняясь от темы, подчеркну, что возникновение воли диктовалось не только и не просто прямыми потребностями развития труда. Чтобы производственная деятельность могла успешно эволюционировать, необходима была замена зоологического объединения качественно иным, в основе которого лежали бы не биологические, а социально-экономические связи. Но чтобы социально-экономические связи могли определять поведение производящих существ, они должны были найти выражение и закрепление в нормах общественной воли. Индивидуальная воля формировалась как частичка социальной воли. Человеческий дух возник как явление социальное и только социальное. Представляя собой нечто отличное от тела, он не существует без последнего и вместе с телом образует единство – человеческую личность или просто личность. Личность есть человек как социальное существо³⁴.

Практически выше в основном и главном была решена и проблема свободы и необходимости. Однако для окончательного уточнения необходимо вернуться к проблеме детерминизма. Беда всех старых материалистов, и не только их, состояла в том, что для них предопределенность исключала неопределенность, необходимость исключала случай-

³⁴ Подробнее см.: Семенов Ю. И. Личность, общество, культура // Философия и общество. 2001. № 3.

ность и вероятность. Первым в истории философии верное решение проблемы необходимости и случайности дал Г. Гегель. Признавая объективное существование и необходимости, и случайности, он одновременно подчеркивал их неразрывную связь. Различие необходимости и случайности носит не абсолютный, а относительный характер. Одна и та же связь в одних отношениях является необходимой, а в других – случайной. Необходимость существует только в случайностях. Поэтому она не только необходима, но и случайна. Случайность есть проявление необходимости или дополнение к ней. Поэтому случайность не только случайна, но и необходима. Нет и не могут существовать ни абсолютная необходимость, ни абсолютная случайность.

Все это означает, что предопределенность существует только в форме неопределенности, а последняя есть проявление предопределенности. Иначе говоря, в мире нет ни абсолютной предопределенности, ни абсолютной неопределенности. Протекание любого процесса одновременно и предопределенно и неопределенно. Всегда существует не одна, а несколько реальных возможностей. Поэтому в мире существует объективная вероятность, возможность разных вариантов развития. Детерминизм носит не абсолютный, а относительный характер³⁵.

Все это создает объективную возможность свободы, но последняя, разумеется, возникает только с появлением человека. Бесспорно существование свободы воли человека, которую, однако, можно понимать по-разному. Самое простое, житейское представление о свободе воли – человек в каких-то пределах может выбирать образ действия, он может вести себя так, а может и иначе. Более глубокое понимание свободы воли связано с определенным толкованием соотношения свободы и необходимости. С позиции нового материализма свобода есть не что иное, как господство человека над объективным миром, основанное на наличии

³⁵ Подробнее см.: Семенов Ю. И. Детерминизм абсолютный (лапласовский) и детерминизм диалектический // Философские проблемы современной физики. М., 1969.

определенных материальных средств, необходимых для подчинения мира, и знании необходимости. Чем глубже человек знает необходимость, тем предопределеннее и успешнее его действия. Самые свободные действия человека суть одновременно и самые необходимые. Отсюда и более глубокая трактовка свободы воли. Она состоит не просто в возможности принимать решения о том, как действовать, а в принятии решений на основе знания своих сил и объективной необходимости, а тем самым и будущих последствий выбранного образа действий.

По существу, решение проблемы свободы и необходимости есть решение основного вопроса философии, взятого в полном его объеме. Проблема свободы и необходимости – вопрос об отношении материи и сознания, обратно через практику воздействующего на нее. Старые материалисты рассматривали отношение материи и сознания как отношение одностороннее: материя воздействует на сознание и определяет его. Сознание они понимали только как отражение материи. Они знали лишь одну форму взаимоотношения материи и сознания – познание, т. е. превращение материального в идеальное. С точки зрения нового материализма, отношение материи и сознания является двусторонним. Не только материя воздействует на сознание, но и последнее через практику воздействует на материю. Сознание не только отражает мир, но обратно через практику воздействует на него, преобразует его. Как ярко и образно выразился В. И. Ленин: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»³⁶.

Таким образом, кроме познавательного отношения материи и сознания, существует еще и практическое их отношение. Постоянно происходит процесс не только превращения материального в идеальное, но и идеального в материальное. И второй из названных выше процессов представляет собой основу первого. Практическое отноше-

³⁶ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

ние материи и сознания лежит в фундаменте их познавательного отношения.

Постоянно через практику воздействуя на объективный мир, сознание все глубже и глубже его отражает. Если учесть, что именно понимание роли практики вообще, производства прежде всего, лежит в основе нового материализма, то его, вероятно, следовало бы называть *прагматическим материализмом*.

С точки зрения этого материализма, процесс отражения мира есть объективный процесс, который будет продолжаться, пока существует человечество. Поэтому прагматический материализм включил в себя в преобразованном виде впервые сформулированное Г. Гегелем положение о мышлении как объективном процессе движения предельно общих понятий – категорий диалектики по законам, общим для всех – и духовных и материальных процессов, – законам диалектики, что и дало основание называть его диалектическим материализмом. В отличие от Г. Гегеля, К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что не диалектика мышления определяет диалектику мира, а, наоборот, диалектика мира определяет диалектику мышления. Мир, а не мышление, является саморазвивающимся процессом, состоящим из огромного множества уровней все более и более мелких саморазвивающихся процессов. Что же касается мышления, то оно представляет собой воспроизведение всех этих саморазвивающихся процессов.

В силу сказанного выше, лучшим названием нового, марксистского материализма было бы словосочетание «*диалектико-прагматический материализм*», или «*прагмо-диалектический материализм*».

До возникновения прагмо-диалектического материализма не только неизбежным, но и нужным для развития философской мысли было существование идеализма. Многие открытия в философии могли быть сделаны только в рамках идеализма, но не старого материализма. С возникновением прагмо-диалектического материализма объективная необходимость в идеализме отпала. Он стал не нуж-

ным. Излишними стали и прежние формы материализма. Дальнейшая эволюция философии как науки в идеале должна была бы пойти как развитие прагмо-диалектического материализма. И если после его возникновения продолжали возникать и исчезать различные философские системы, то за редким исключением причина заключается в том, что философия всегда представляла и сейчас представляет собой не только науку, но и идеологию³⁷.

Возникновение прагмо-диалектического материализма было крупнейшим переломом в развитии философии нового времени. Это нашло свое выражение в подразделении этой философии на классическую и неклассическую. Классическую философию обычно заканчивают системами Г. Гегеля и Л. Фейербаха. Это не совсем точно. Действительным завершением развития классической философии было возникновение прагмо-диалектического материализма.

Коренное отличие классической философии от неклассической заключается в том, что развитие первой состояло в постановке и решении важнейших философских проблем, представляло собой каскад величайших философских открытий. Такое развитие было возможно потому, что каждая новая система вбирала в себя то рациональное, что заключалось в предшествующих философских учениях.

С появлением прагмо-диалектического материализма дальнейшее движение философской мысли было невозможно без усвоения сделанных им открытий. Но это было невозможно в силу идеологических причин. В результате в развитии неклассической философии наблюдалось либо топтание на месте (все формы немарксистского материализма, почти весь более или менее последовательный идеализм), либо явная деградация (все виды иррационализма, первый и частично второй позитивизм, постпозитивизм, или четвертый позитивизм Т. Куна и П. Фейерабенда, постструктурализм и вообще вся т. н. философия постмодерна),

³⁷ Подробнее см.: Семенов Ю. И. О факторах развития философской мысли // Панорама философской мысли в России XX века. Рязань, 2001.

либо, в самом лучшем случае, выявление, но, увы, не решение новых гносеологических проблем, поставленных развитием естественных наук, прежде всего вопроса о соотношении эмпирического и теоретического знания (некоторые представители второго позитивизма, неопозитивизма, или третьего позитивизма, и постпозитивизма).

И в работе «Материализм и эмпириокритицизм», и в статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин подчеркивал, что современное естествознание нуждается в диалектическом материализме, в материалистической диалектике. Развитие естественных наук за последние 80 лет полностью подтвердило это положение.

Хорошо известно, какую смуту в умах естествоиспытателей вызвало появление квантовой механики. Невозможно было понять вновь открытые процессы, не допустив существования объективной случайности и объективной же вероятности. Но практически все физики до этих открытий, независимо от того, сознавали они это или не осознавали, стояли на позициях абсолютного детерминизма. Для них понятие детерминизма было равнозначно понятию абсолютного детерминизма. Поэтому многими из них крушение абсолютного детерминизма было воспринято как крах детерминизма вообще.

Но даже те из них, которые прямо заявили о переходе на позиции индетерминизма, не могли не заметить, что в мире, описываемом квантовой механикой, существует какая-то предопределенность. В противном случае было бы абсолютно невозможно предвидеть и предсказать развитие процессов микромира. А квантовая механика, бесспорно, давала такую возможность. В результате эти ученые начали лихорадочно метаться между детерминизмом и индетерминизмом. Те же исследователи, которые считали переход на позиции индетерминизма недопустимым для естествоиспытателя, упорно продолжали надеяться, что за обманчивой видимостью вероятностных явлений скрываются реальные абсолютно детерминированные процессы.

И тем и другим даже не приходило в голову, что маячивший перед ними выбор между абсолютным детерминизмом и индетерминизмом ложен, что все процессы в мире одновременно и предопределенны и неопределенны, что мучившая их проблема уже давно решена великими философами, вначале Г. Гегелем, правда, в форме, неприемлемой для естествоиспытателей, а затем К. Марксом и Ф. Энгельсом, причем на этот раз во вполне адекватном для науки виде.

Со времени появления квантовой механики прошло три четверти века. За это время несостоятельность абсолютного детерминизма обнаружилась и в других областях естествознания. Но так как естествоиспытатели по-прежнему не овладели диалектикой, их метания продолжаются. Достаточно сослаться на лекцию «Все ли предопределенно?», прочитанную в 1990 г. на семинаре клуба «Сигма» в Кембриджском университете выдающимся современным физиком-теоретиком С. Хокингом. Поставив вопрос: «Все ли предопределенно?», – лектор в заключение заявляет: «Ответ – да, все предопределенно. Но можно считать, что и нет, так как мы не знаем, что же именно предопределенно»³⁸.

Своеобразная попытка решить проблему предопределенности и неопределенности была предпринята И. Пригожиным – одним из отцов синергетики. Сейчас естествознание с большим запозданием пришло, наконец, к одной из важнейших идей диалектики – идее саморазвивающихся процессов. Началась теоретическая разработка одной их формы, которая получила название самоорганизующихся процессов. По мнению И. Пригожина, самоорганизующийся процесс первоначально всецело подчинен детерминизму, затем в результате нарастания флуктуации или комбинации флуктуаций существующая его организация не выдерживает и разрушается. В этот момент, который И. Пригожин называет особой точкой, или точкой флуктуации, наступает

³⁸ Хокинг С. Черные дыры и молодые Вселенные. СПб., 2001. С. 152.

господство случайности. Развитие становится неопределенным. После выбора одного пути из массы возможных вновь вступает в силу детерминизм и так до следующей точки бифуркации³⁹. Понять, что любой процесс на всех этапах своего развития одновременно и предопределен, и неопределен, причем на одних стадиях может выступить на первый план предопределенность, а на других – неопределенность, вследствие чего и возникает иллюзия смены полной предопределенности полной же неопределенностью, И. Пригожин так и не смог. Причина – незнание диалектики и соответственно отсутствие у него диалектического подхода к миру.

Материалистическая диалектика и в том виде, в котором она выступает в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, вполне может быть использована в современной науке. Но, разумеется, важнейшей задачей является дальнейшая её разработка. Для этого прежде всего необходим учет достижений современной науки. Сейчас вряд ли может быть сомнение в том, что состав категорий диалектики должен быть пополнен такими понятиями, как «предопределенность», «неопределенность», «вероятность». Не нужно забывать и Г. Гегеля. Но наряду с использованием его достижений в области разработки диалектики, необходим и критический подход к его методу. Несмотря на неоднократные предупреждения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о том, что у Гегеля диалектика облечена в мистическую форму, что нужно ее материалистически переработать, советские философы безоговорочно повторяли многие гегелевские положения, не вдумываясь в их сущность.

Во всех работах по диалектическому материализму «качество», «количество», «мера», «случайность», «необходимость» и т. п. определялись исключительно как категории диалектики. А затем утверждалось, что все они существуют в объективном мире. Таким образом, получалось, что в

³⁹ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986; Они же. Время, хаос, квант. М., 1994, и др.

объективном мире существуют категории, т. е. понятия. С точки зрения Г. Гегеля, все обстоит именно так. В основе мира лежит абсолютная идея, система предельно общих понятий. И эти самые общие понятия представляют собой формы, в которых идет движение не только мышления, но и мира.

С точки зрения любого материализма, включая и диалектический, данная мысль совершенно не приемлема. Понятия, включая и самые общие – категории, существуют только в сознании. В мире их нет и заведомо быть не может. Поэтому «качество», «количество», «мера», «случайность», «необходимость» и т. п. в том виде, в каком они существуют не в сознании, а в мире, должны носить другое название. Таким термином могло бы стать слово «мироформа», во множественном числе – «мироформы». Миротформы, т. е. предельно общие формы, в которых развивается мир в целом и все составляющие его процессы, в сознании выступают в качестве предельно общих понятий – категорий диалектики, форм, в которых идет развитие мышления как объективного процесса. Но если понятие «категории диалектики» применимо только к сознанию, но не к миру, то понятия «диалектика» и «законы диалектики» в равной степени могут быть отнесены и к сознанию, и к миру.

От Г. Гегеля пошло и обыкновение говорить об объективной логике развития тех или иных процессов, происходящих в природе и обществе. В буквальном смысле оно также носит идеалистический характер. Логика в точном, буквальном смысле слова может существовать только в сознании, но не в мире. Но как образное выражение, подчеркивающее объективную необходимость, предопределенность развития, оно вполне может использоваться и материалистами.